
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич — зам. главного редактора по сибирским регионам, г. Красноярск)

Виталий Пшеничников
(г. Красноярск)

КЛЯТВА

На проходной сержант доложил:

— Старший сержант Мишин из очередного отпуска прибыл!

— Что-то случилось, почему на неделю раньше? Что произошло? — удивленно спросил дежурный офицер.

— Все в порядке, прибыл для дальнейшего прохождения службы.

— Начальник школы просил зайти по прибытии. Он сейчас у себя в кабинете.

— Здравия желаю товарищ подполковник! Вызывали?

— Михаил! А почему из отпуска раньше времени вернулся? На тебе лица нет, и седины прибавилось, — встревожился Городков.

В одном из боев Мишин, спас от верной смерти раненного майора Городкова, приняв на себя осколки брошенной боевиками гранаты. В тот же день, вертолет, в котором вывозили раненых, был сбит бандитами и упал на склон горы. Раненый в руку Городков, до взрыва баков с горючим, успел вытащить из развалившегося вертолета тяжело раненного сержанта. Остальные, кто был в вертолете, погибли. С той поры Городков, получивший чин подполковника, с отеческой нежностью относился к спасшему его жизнь парню.

— Любимая девушка погибла! — едва слышно сказал сержант.

— Прими соболезнование! Что делать? Господь всех рано или поздно к себе призывает! Кому как на роду написано, но жизнь продолжается! Пришел приказ направить наш выпуск в Чечню, в Грозный. Ты у нас командир обстрелянный, назначаю тебя старшиной сводной роты выпускников школы армейского спецназа. В Грозном сдашь бойцов в военный комиссариат, вернешься к месту службы.

— Товарищ подполковник! Я хотел просить перевода на передовую, в зону боевых действий. Поймите правильно, привык к опасности, к боям, в тылу служба не для меня!

Внимательно посмотрев на сержанта, офицер подумал: «Настоящий солдат, не стоит чинить препятствий. Он все равно уйдет».

— Жаль отпускать, но я тебя понимаю! Сам ходил к командиру дивизии, с рапортом о направлении в зону боевых действий. Но, получил нагоняй. Генерал сказал, что такие люди, как мы, на вес золота, и должны передавать боевой опыт молодым бойцам. Если сумеешь договориться в военкомате, я дам добро на перевод. Причина уважительная, молодых спецназовцев будешь учить выживать в боевых условиях.

— Спасибо товарищ подполковник!

— У меня к тебе просьба личного характера. Три года назад в боях за Грозный я был ранен и ненадолго попал в плен. Бандит Алибек, по кличке «бешеный бек», на моих глазах надругался над женой и дочерью и зверски убил обеих... Сердцем чувствовал, этот шакал был там, на перевале, но меня ранили, не успел покарать его. Если встретишь на дорогах войны, напусти ему Грозный, отомсти за близких мне людей! — сержант видел, как на глазах подполковника заблестели слезы.

— Клянусь, что он умрет страшной смертью!

— Я тебе верю сержант! Иди, получай проездные документы, завтра рота грузится в машины, и — на аэродром. Береги себя, я надеюсь увидеть тебя живым! — подполковник крепко пожал руку старшему сержанту, а когда за ним закрылась дверь, смахнул набежавшую слезу.

Он знал, что из прежнего выпуска школы армейского спецназа, в живых осталось не более двух десятков бойцов, остальные с честью погибли, либо были ранены в боях. Бандиты спецназовцев в плен не брали. Но и спецназовцы живыми не сдавались, дрались до последнего патрона, оставляя для себя гранату, подрываясь, уносили с собой жизни десятков врагов.

Утром, командиры построили личный состав школы. Курсанты были вооружены автоматами, имели полную экипировку, до котелков и саперных лопат. Командир училища, подполковник Городков, выступил с краткой напутственной речью, поздравил с окончанием школы армейского спецназа, пожелал бывшим курсантам боевых успехов.

На аэродроме в Грозном бойцов встретили представители военкомата с представителями из войсковых частей. Один из офицеров оказался знакомым, и сержант подошел к нему:

— Товарищ капитан! Разрешите обратиться!

— Обращайся сержант, какие вопросы?

— Вам не приходилось служить под началом майора Городкова? Вы тогда возглавляли подразделение ВДВ, приданное спецгруппе войскового спецназа!

— Голос знакомый! Дай я на тебя внимательней посмотрю! Сержант Мишин! Ты ли это? Мы считали, что ты погиб в сбитом бандитами вертолете, не довезли до госпиталя! Подумать только!

— Живой! Что со мной случится! Вытащил из разбившейся вертушки майор Городков, в одном госпитале лежали!

— Как??? И майор Городков жив! Чудны твои дела Господи! Вас давно схоронили! — глядя широко раскрытыми глазами, удивился капитан Катков. — В рубашках родились!

— Значит, долго жить нам! Я был без сознания, когда подбитый ракетой вертолет, упал в горах. — Михаил рассказал капитану о своем спасении майором Городковым. — Короче, мы выжили. После госпиталя я служил под его началом. Теперь он командует школой спецназа. За тот бой мне присвоили звание Героя России!

— Ну, ты, брат, загнул. Сразу Героя? — не поверил капитан.

— Посмотрите, здесь есть запись о наградах! — старший сержант протянул военный билет.

Прочитав, тот удивленно посмотрел на Мишина, долго тряс руку:

— Впервые близко вижу героя, разговариваю с ним! Поздравляю! От всей души поздравляю!

— Товарищ капитан, и вас надо поздравить с внеочередной звездочкой!
— Да! Недавно присвоили, обмыть не успел, за пополнением отправили.
— У меня к вам просьба, возьмите на передовую, не могу в тылу служить, не лежит душа!

Лицо капитана посуровело:

— Ты хорошо подумал?! За год боев мало кто из того призыва в живых остался. Многие погибли, другие — калеки, в госпиталях. Может, одумаешься? И так достойно свое отвоевал!

— Решил я! Мне срочной службы два неполных месяца осталось. Дальше буду служить по контракту. Не нравится в тылу. Возьмите, не пожалеете.

— Смотри, если не шутишь, с удовольствием возьму, у меня должность старшины свободна. Как можно отказать Герою России, давай документы. В военкомате Грозного есть знакомый старлей, он это дело быстро уладит. Вон там стоит моя палатка. К восемнадцати подходи, встречу, звезды и награды обмоем.

...Долго не гас свет в палатке капитана Каткова. За столом из неструганных досок, на ящиках из-под патронов, сидели боевые офицеры. Они заставили Михаила опустить в стакан с водкой Звезду Героя, и выпить до дна. Мишин был счастлив, в военной сутолоке и полной неразберихе, он нашел однополчан, и так просто решил вопрос о переводе.

На третий день капитан Катков пригласил старшину, и прапорщика Морозова, воевавшего по контракту, поставил задачу:

— Получены разведанные о том, что на колону автомашин с боеприпасами, которая пойдет из Грозного в Шали, готовится нападение бандитов. Они хотят пополнить свой боезапас. Нам приказано в течение трех дней скрытно выдвинуться на огневой рубеж к подножию горы Тон-юрт и, сохраняя режим секретности, установить контакт с бандформированием, сообщить о месте его дислоцирования. Ударом с тыла уничтожить боевиков и предотвратить захват колонны. Высаживаться будем с вертолета, в пяти километрах от предполагаемого места базирования боевиков. Для участия в операции возьмете вновь прибывших выпускников спецназа. Всем взять по два боекомплект. С вопросами по тыловому обеспечению обращайтесь к старшему лейтенанту Демину. Вылет сегодня в двадцать три часа. Если нет вопросов, свободны. Тебе, Мишин, поручаю отобрать курсантов, присмотреть за ними в бою!

В сгустившейся тьме, вертолет доставил десант в точку выброса, завис над землей. Как только последний ящик боеприпасов был выброшен на землю, взревев турбинами, вертушка растворилась в ночном небе. Старшина приказал разбить лагерь, вчерашние курсанты быстро поставили небольшие палатки, поверх натянули маскировочные сети. Отдав команду «отбой», Мишин с тремя курсантами пошел на разведку окрестностей и, вернувшись через два часа, доложил:

— Товарищ капитан! Вокруг лагеря чисто, высадка прошла удачно. Обследовали территорию на полтора-два километра по кругу, следов присутствия бандформирований не обнаружено!

— Хорошо, отправляй бойцов отдыхать. Возьми уже отдохнувших, надо выставить боевое охранение со стороны гор, с юга. Оттуда, наиболее вероятно, могут появиться духи. Помните, бой принимать в самом крайнем случае, если вас обнаружат!

Забросив на плечо ручной пулемет, Мишин увел бойцов по компасу к горам. Отойдя от лагеря километр, старшина выбрал позицию за небольшим бугром, который прикрывал обзор со стороны ночного леса. Расставив спецназовцев и приказав им не спать, решил разведать окрестности. Отойдя на три километра от охранения, в тишине ночного леса услышал неясные голоса людей, долетавшие откуда-то снизу. Соблюдая осторожность и затаившись, сел на траву, стал рассуждать: «Если лагерь где-то поблизости, должны стоять часовые! Надо дожидаться смены, а так могу напороться на засаду, наделаю много шума!»

Прислонившись к стволу дерева, слился с ним. Просидев более часа, услышал, что в его сторону идет несколько человек. «Духи даже не скрываются, наверняка, не видели выброски десанта», — подумал старшина. Разводящий остановился в ста метрах от него, негромко крикнул на чеченском языке: — Мустафа, ты что заснул? Это тебе не пески Эфиопии, здесь еще и стреляют!

— Обижаешь, брат Шамиль! Я знаю, что такое дозор! Аллах свидетель, даже глаз не сомкнул! — оправдывался боевик, выходя из густого куста, в двухстах метрах от старшины.

«Врет мерзавец! Если не спал, то меня бы увидел», — усмехаясь, подумал Михаил.

— Что видел в дозоре? — спросил разводящий.

— Ни одна ветка не треснула, ни одна птичка не вспорхнула! — самозабвенно врал бандит.

«Негодяй! Из-за таких, как ты, гибнут люди!» — разозлился старшина. Когда до него дошло, что осуждает действия боевика, едва не рассмеялся. — «Спасибо, дух, что спал, иначе я бы погиб!»

Стараясь не отставать от караула, он шел следом по лесу, чуть в стороне, и вскоре оказался на окраине небольшой поляны, заставленной автомобилями. В темноте, разбавленной призрачным светом луны, насчитал пять грузовиков и четыре уазика. Они стояли под маскировочными сетями, надежно укрытые от обнаружения с воздуха.

«Как им удалось в распадок загнать технику по бездорожью? Seriously подготовились, сволочи! Но у русских говорят: «На чужой каравай рот не разевай!», — усмехнулся разведчик и начал постепенно отходить. Он благополучно прошел между секретами, сделал многокилометровый крюк к горам. Сбитая им с травы роса могла привести бандитов к лагерю десантников. Бойцы охранения не заметили, как он пошел сзади и отозвался:

— Тихо, это я — старшина. Ребята, плохо службу несете. В учебке учили, что от бдительности в дозоре зависит ваша жизнь и жизнь товарищей. Вы подпустили меня не только на бросок гранаты, но и на расстояние применения оружия рукопашного боя! Если хотите жить, надо утроить бдительность. За меня остается ефрейтор Спичкин, я уйду в расположение лагеря.

Отойдя с полкилометра, Мишин пересек чужой след, хорошо заметный при лунном свете на оббитой от росы траве.

«Странно, след идет со стороны гор, прошли три человека, двигались прямо на лагерь десанта!» Он, побежал по следу, стараясь прикрыться деревьями и кустами. Увидев впереди какое-то движение, упал на бегу между деревьями. Ему навстречу быстро двигались духи.

«Их разведка засекли лагерь десанта! Теперь надо ждать нападения. Сволочи! Далековато идут, сделать ничего нельзя!» — думал он, глазами провожая бандгруппу.

Подойдя к капитану, доложил результаты разведки. На карте уверенно указал место базирования транспортных средств, рассказал о том, что разведка противника засекла базу десанта.

— Значит, скоро банда будет здесь. Надо немедленно свернуть лагерь, передислоцироваться в другой район, — рассуждая, сказал капитан Катков.

— Поднимите бойцов, тихо выведите их и рассредоточьте полукольцом вокруг базы. Пусть подыщут естественные укрытия, деревья, неровности рельефа. Берите с собой только оружие и боеприпасы. Палатки, как приманка, пусть остаются, они на них клонут! Не мешкайте! Через час-полтора духи будут здесь. Из трех пулеметов два поставьте на флангах, один в центре цепи. Когда банда ворвется в лагерь, открыть огонь на поражение. Их раза в три больше! Хорошо бы расставить сюрпризы возле палаток. В темноте наверняка сработают.

— Палатки жалко, — начал было старший лейтенант Ковтун, но, подумав, мах-

нул рукой, — потерявши голову, по волосам не плачут. Я поставлю растяжки, приму бандитов, как дорогих гостей.

— Твоя группа остается в засаде, в бой не вступать. Перехватите их при отходе от лагеря. Задача ясна? Выполняй старшина! — приказал капитан.

— Слушаюсь! — исчезая в ночи, ответил Мишин.

Офицеры рассредоточили бойцов подковой на окраинах ложбины, в которой находился лагерь десантников. По-прежнему стояла тихая ночь. В одной из палаток играл транзисторный приемник, музыка была слышана на расстоянии ста метров от, якобы, крепко спавшего лагеря.

Последним покинул лагерь старший лейтенант Ковтун. Он расставил растяжки на подходах к палаткам. К забитым в землю кольшкам, кустам изоляционной лентой прикрутил гранаты-«лимонки», к кольцам привязал растянутую тонкую проволоку. Усы предохранительной чеки гранат были разогнуты. От малейшего прикосновения к проволоке растяжки, вылетало кольцо гранаты, через три секунды гремел взрыв, поражая осколками неприятеля.

— Алибек, в пяти километрах от нас спокойно спят гяуры! Человек двадцать! — доложил прибежавший в лагерь разведчик.

— Ты что говоришь, уважаемый Рашид! Откуда здесь солдаты неверных?

— Они стоят в ложине, дозорные спят, я подползал очень близко! Клянусь Аллахом, в одной из палаток играет радио.

— Абдулла, поднимай людей! До дороги пять километров, никто не услышит, как мы вырежем этот сброд неверных! Возле машин остаются водители, и три человека охраны, остальным срочно выступать! Да поможет Аллах в нашем правом деле! Аллах-Акбар! — огладив бороду, вознес руки к небу Алибек.

Группа боевиков полукольцом скрытно приблизилась к лагерю со стороны гор.

— Ты прав Рашид, неверные так обнаглели, что не выключают радио на ночь. Пионерский лагерь, да и только! Но почему нет охранения, часовых? Это меня настораживает! — тихо спросил командир.

— Не беспокойся Алибек, они и два часа назад спали, тепленьких возьмем! Возле возвышенности у них один пост, второй, возле того дерева, уберем часовых без звука, — показал разведчик.

Два человека, сливаясь с травой, быстро поползли в указанных направлениях. Вскоре, с той стороны, куда уполз один из бандитов, раздался сдавленный хрип.

«Отползала змея гремучая», — подумал один из спецназовцев, вытирая от крови нож об одежду боевика. Второй разведчик бандитов, приподнявшись, чувствуя плотно прижатый к спине ствол автомата, жестами показывал, что пост пуст.

— Вперед воины ислама! Покажем гяурам, какого цвета их кровь! Аллах-Акбар! — закричал Алибек, и, стреляя на ходу из автомата, побежал вместе с другими к палаткам.

С разных сторон бандиты бросились к лагерю федералов. Рашид, правая рука Алибека, сжимая кинжал, бежал впереди всех. Вдруг, ему показалось, что в траве, что-то серо блеснуло, он нагнулся, рядом с ним на воткнутой в землю палке висела граната, на траве лежало выдернутое кольцо. Он не успел раскрыть рот, как в том месте, где он присел, вырос огненный куст взрыва, за ним второй, третий...

Бандиты так и не добежали до палаток: со склона их встретил плотный огонь автоматов и пулеметов. Стоявшие на флангах пулеметы федералов не давали духам возможности рассыпаться и скрыться в лесу. Они, отстреливаясь, залегли и стали отползать. Животный страх погнал их обратно в спасительную темноту ночи. Но тьмы уже не было, в воздухе лопались и горели осветительные ракеты, со всех сторон, в упор били автоматные и пулеметные очереди. Там, где ползли бандиты, рвались гранаты, выпущенные из автоматных подствольных гранатометов.

— Отходим, отходим! — закричал Алибек. — Всем отходить! Засада!

Только пять человек вырвались из огненного кольца, они бежали по своему следу, видному на росистой траве. Неожиданно сбоку ударил ручной пулемет, густо посыпая свинцом, и тут же его поддержали автоматы. Последнее, что увидел Алибек в этом бою, как в круг его бойцов, сбившихся спина к спине, упала лимонка. Ее взрыв разметал отстреливающихся бандитов.

— Не спускать глаз с боевиков, при малейшей попытке скрыться, стрелять на поражение! — приказал старшина, и сделал рывок к бандитам.

Один из боевиков подавал признаки жизни, быстро перевернув на живот, Мишин подтащил его к дереву, охватил руками ствол, и застегнул наручники на запястьях. Теперь враг не сможет убежать, будет ждать, пока его не освободят. Раненый бредил, кричал негромко: — Аллах-Акбар!

— Акбар, Акбар! — усмехнулся старшина.

Обыскав одежду забрал документы и небольшой кинжал в металлических ножнах. Вскоре появились бойцы десанта, разгоряченные боем.

— Старшина, где ты видел машины? Попробуем ворваться в лагерь на плечах уцелевших бандитов! — сказал Катков, доставая карту.

— Таковых нет, все уничтожены, только один ранен, похоже, командир! Наручниками к дереву пристегнул. А стоянку бандитов и без карты покажу! — сказал старшина.

— Молодец! Надо быстро выдвигаться к месту стоянки транспорта. Они ждут победителей, мы и придем в гости. Надо спешить скоро рассвет. Начинаем движение! Старшина, веди бойцов! — вполголоса приказал капитан.

На ходу старшина доложил:

— Товарищ капитан, я знаю два секрета, на подходе к лагерю надо бесшумно снять часовых, тогда у нас будет шанс на внезапную атаку.

— Займись одним, а мне покажи, где сидит второй! — сказал Катков, снимая плащ-палатку.

Соблюдая осторожность, солдаты рассыпались в цепь, охватывая подковой лагерь противника. Ползком, приблизившись к часовому, Мишин увидел, что тот курит, держа окурки в рукаве ватника. Рядом стоял прислоненный стволом к дереву ручной пулемет. Когда бандит в очередной раз нагнулся, затягиваясь дымом сигареты, прыгнул на него, зажав ладонью рот, нанес удар ножом в спину. Тело бандита обмякло, он беззвучно опустил его на траву. Вложив нож в ножны и подхватив ручной пулемет, старшина сделал рывок к лагерю. Наткнувшись на неглубокую траншею, спрыгнул, приглядевшись увидел за изломом дзот. В нем спали три человека. Достав гранату, выдернул кольцо, стал ждать начала атаки. Третий часовой, которого не удалось снять тихо, с противоположной стороны ущелья, открыл огонь.

Выдернув кольцо и сосчитав до двух, старшина бросил гранату в огневую точку. Грохнул взрыв, пламя вырвалось из бойниц. Поставив трофейный пулемет на бруствер, он поймал в прицел пульсирующий огонек автомата дозорного, дал длинную очередь. Автомат часового захлебнулся.

От машин раздалась редкая, беспорядочная стрельба, но темнота мешала прицельному огню, была союзником нападавших.

«Сейчас добавлю вам света!» — подумал Мишин. Прицелился и выпустил очередь в бензобак грузовика. Он видел, как в ночи, пули выбивали искры, встречаясь с металлом. Раздался хлопок, и бензобак взорвался, раскидав далеко вокруг сгустки горящего бензина.

— Стрелять по бензобакам! — крикнул капитан, выпустив из автомата очередь в борт стоявшего в ста метрах от него уазика. Но вспышки не последовало. «Неужели промахнулся!» - прицелившись, он сделал несколько одиночных выстрелов. Сноп

огня поднялся над машиной. Метавшиеся бандиты смотрелись, как на ладони, вскоре, прекратив сопротивление, вышли от пылающих машин к нашим бойцам с поднятыми руками.

— Ближко не подходить! — крикнул старшина, но опоздал. В руках одного из боевиков взорвалась лимонка. Через несколько секунд с врагами было покончено.

— Хорошая работа, ребята! Все убедились, что значит разведка! Благодарю за службу, старшина! — капитан, крепко пожал Мишину руку.

— Служу Отечеству!

— Бойцы! Нам предстоит выполнить второй этап операции. Немедленно выдвигаемся к дороге, рассыпавшись в цепь прикрываем ее от бандформирований. Старшина, доложите о раненых?

— Два курсанта с ранениями конечностей, помощь врача не требуется! Товарищ капитан, вот документы пленного, которого я приковал наручниками к дереву.

Он видел, как побелело лицо капитана:

— Тебе повезло! Это полевой полковник Алибек, по кличке «бешенный бек»! Ему есть, что рассказать нашей разведке, но терять времени не будем, выживет, забереет после боя! — приказал капитан.

Услышав имя плененного им бандита, Михаил подумал: «Разведка обойдется и без показаний Алибека! Пришла пора ему держать ответ за свои злодеяния! Наверняка суд оставит его живым! Я поклялся и должен свершить правосудие здесь и сейчас!» — подумал старшина и сказал:

— Товарищ капитан, пробегусь, посмотрю вокруг. Догоню вас на марше!

— Правильно мыслишь старшина, разведка главное в воинском искусстве! Иди, но быстрей возвращайся, может, дать бойцов?

— Нет, один справлюсь. Только пулемет с собой возьму! — подхватив отбитый у бандитов пулемет, он растворился в серой пелене рассвета.

Безошибочно выйдя к дереву, возле которого оставил раненого, услышал брань. Подойдя ближе, увидел, что бандит пытается снять наручники.

Убивать безоружного, даже зная, что он пролил много невинной крови, было не в правилах старшины Мишина. Снял с пояса кинжал, отобранный у плененного бандита, старшина специально небрежно, чтобы он выпал, засунул его в карман брюк.

— Как раз вовремя! Давай помогу! Приказано доставить тебя к командиру! — опускаясь на корточки и ключом открывая наручники, сказал он. В это время из его кармана выскользнул кинжал и упал у рук бандита.

«Теперь мы на равных! Ты не упустишь возможность всадить мне нож в спину!» — улыбаясь, думал Мишин, боковым зрением фиксируя действия боевика.

«Слава Аллаху! Ты сдохнешь, как собака, проклятый гяур!» — захлебываясь радостью, думал бандит, которому не было равных в рукопашном бою.

— Вставай, иди вперед! — разгибаясь, приказал солдат.

Доли секунды было достаточно, чтобы в руке Алибека блеснул подобранный с земли кинжал. Он занес руку для удара в шею ненавистному солдату. Молниеносно обернувшись, старшина успел вывернуться волчком и, выхватив из ножен свой спецназовский нож, сделал выпад. Почувствовав нестерпимую боль в животе, Алибек выронил на траву свой старинный кинжал. Этот смертельный удар Мишин отработывал сотни раз: клинок ножа, проходя через брюшину, повреждал кишки, пробивал печень противника.

Раненый Алибек услышал спокойный голос:

— Вот и окончен твой позорный земной путь, самозванный полковник, «бешенный бек», или как там еще тебя зовут? Разве ты солдат? Разве ты бек? Ты гиена, падальщик, шакал вонючий, умеешь только сзади нападать, да воевать с женщинами и детьми!

— Клянусь Аллахом! Я никогда не марал своих рук кровью женщин и детей! — едва слышно ответил пленный.

— Короткая у тебя память. Вспомни Грозный, жену и дочь раненого майора Городкова! Ты надругался над беззащитным ребенком и женщиной и зарезал их на глазах майора! Он мой кровный брат и передает тебе боевой привет!

Старшина видел, как поникла голова Алибека, понял, тот припомнил грозненский случай.

— Вижу, что помнишь свои кровавые злодеяния! Пришло время умереть и тебе страшной смертью, — старшина поднял с земли кинжал, вложил его в ножны, усмехнулся, — теперь оружие тебе не пригодится!

Повернувшись сказал:

— Ты плохой солдат и будешь умирать долго, мучительно, как умирали жертвы, над которыми ты глумился. Пусть мучения послужат тебе искуплением грехов...

— Пристрели меня, ради Аллаха! Умоляю, пристрели! Меня заживо съедят муравьи и комары! — кричал Алибек.

— Чего кричишь? Ты не бек, не солдат, ты - худая из женщин! И нет тебе прощения, шакал! — отворачиваясь, с презрением произнес Михаил.

Изо рта бандита летели хлопья пены, у него начался припадок. Он знал, с ранениями в живот умирают долго, в страшных мучениях. Трусливо и громко визжал, умоляя пристрелить его.

Но старшина спецназа уже не слышал Алибека, молча уходил в зеленку. Уходил с чувством исполненного долга. При встрече ему не будет стыдно перед подполковником Городковым, он сдержал данную ему клятву, оборвав в честном поединке жизнь кровавого бандита.

Андрей Леонтьев
(г. Красноярск)

ПОСЛЕДНИЕ МЕНЕСТРЕЛИ

Мы, возможно, всю жизнь о своей бы судьбе сожалели,
Если б не дал Господь бесконечную вольность дорог.
Мы идем в никуда — безымянной страны менестрели —
И свой пройденный путь отмечаем зарубками строк.

Мы идем в никуда — только Богу, наверно, известен
Изначальный маршрут, предназначенный именно нам.
И не слышит никто наших грустных и радостных песен,
И никто не пройдет по оставленным нами следам.

Вымирает, увы, наше племя артистов бродячих,
Ведь иные слова и мелодии нынче в цене...
Но пока мы в пути, мы поем — и не можем иначе,
Память в сердце храня о своей безымянной стране...

* * *

Запрягли, помолились, поехали.
Губы сжаты, и лица серьезные.
В многотрудной дороге до смеха ли?
Вереницей проносятся весны —

Знай отсчитывай годы десятками.
Все быстрее повозку мы гоним.
Обрастая в пути недостатками,
Неприметную совесть хороним.

Нет, не сразу: по крошке, по зернышку,
Как из торбы худой — под колеса...
И темнее становится солнышко,
И глядит исподлобья и косо.

Из крупниц, что роняем беспечно мы
В грязь дорожную, не замечая,
Дружно всходят ростки бессердечия,
Умножая земные печали.

...А дорога все вьется и тянется,
Седоков приближая к итогу.
И повозка — тоскливая странница —
Притормаживает понемногу.

Тпру-у, приехали! Вот и конечная.
Что ж осталось за пыльной спиной?
На полоске земли искалеченной —
Сорняки неприступной стеною...

РЕИНКАРНАЦИЯ

Я, кажется, вспомнил! Конечно — Алиса!
Та странная девочка из сновидений...
И больше — ни капли напрасных сомнений!
Фигуры — на выход! Проснулась Каисса!..
На сцене судьбы, разрисованной в клетки,
Под парусом тонким надежды на чудо
Спешу я к той самой Алисе оттуда,
Где связаны вместе потомки и предки,
Где смешано все — и пространство, и время,—
Но память все прежние жизни скрывает...
И вдруг словно током однажды пронзает:
Мы виделись раньше, но были не теми!
Мы были другими с тобою когда-то,
И мир был устроен совсем по-иному,
Но знаю, что так же, любовью влекомы,
Делили и радости мы, и утраты...
...Я, кажется, вспомнил — не все и не сразу,—
Но где-то в глубинах душевного моря
(Где полный бардак из веселья и горя)
Мелькнуло лицо... И послышалась фраза...
О чем — не понять, только голос... о Боже!..
Знакомый до самой малюсенькой нотки...
Мгновенье б еще... Но качается лодка...
Сегодня штормит не на шутку, похоже,—
Того и гляди, что поглотит пучина
Миров и веков... Но ведь мы же — бессмертны,
И Тьме не добыть ожидаемой жертвы,
В какие б она ни рядилась личины...
...А вдруг показалось?.. Ища компромисса,
Бросает мне память обрывки скупые...
Мы в жизни земной — лишь котята слепые...
Но шепчет мой взгляд: неужели — Алиса?..

НОЧЬ

Стынет ночь...
Застекленный балкон —
В серебре белоснежных узоров.
Тихо прочь

Улетает мой сон,
Как обрывки пустых разговоров.

Вот исчез...
Вот растаял в ночи,
Там, где звезды мерцают в тумане.
Зимний бес
Мне в окошко стучит
И в безмолвие черное манит.

Там простор
На небесных полях.
Руки там превращаются в крылья!
Но, как вор,
Забирается страх,
Проникая невидимой пылью.

Пропадешь! —
Шепчет в ухо, сопя.—
Рисковать, мол, не стоит напрасно.
Ни за грош
Ты погубишь себя —
Ведь мороз, и темно, и опасно.

Как же быть?
Нам уютней в тепле.
Но до дрожи захочешь порою
Ощутить,
Что на этой земле
Не бревно ты, а нечто живое...

И взлететь
Над обжитым гнездом —
В темноту, бесконечность сминая...
Умереть —
И воскреснуть потом,
Эту странную ночь вспоминая...

* * *

Отгрохотали бури междометий,
И сжался в точку многоточий ряд.
Слова, что прежде бегали, как дети,
Теперь в строю по-взрослому стоят.

В котле стихов переварились строчки,
Перевалило солнце за зенит.
...И только в сердце, в самом уголочке,
Струна печали тоненько звенит...

ВЕСНА, ОДНАКО

Где-то радостно и звонко
Рассудачились синицы;
Лужа, радужною пленкой
Глядя в небо, веселится.
В рот засунув палец грязный,
Хитро щурится ребенок.
И, какой-то несуразный,
К небу тянется спросонок
Пожилый корявый тополь
У разбитой вдрызг дороги...
Голубь крошку хлеба слопал,
Нагло сунувшись под ноги.
Облака плывут далече —
Расхотелось небу плакать.
Просыпайся, человек,—
Новый день. Весна, однако...

* * *

Лес осенний дрожит в предвкушенье стриптиза:
Золотые одежды вот-вот упадут —
И от самого верха до самого низа
Обнажатся деревья, устроив салют

Из багровых и желтых кружащихся листьев.
Те попадают вниз, догорев до конца,
И заплачет вдруг осень небесною высью,
Капли слез не стирая с земного лица.

И нахмурится осень, печальная осень,
С безалаберным ветром вздохнет в унисон.
И друг друга о главном мы так и не спросим,
Отложив объясненья до лучших времен...

